

Глава 3.

«ТЮРЬМА ДЛЯ БОГАТЫХ, ТОВАРИЩЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ — ДЛЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН»

Насилие, возведенное в систему, являлось главным методом функционирования большевистского режима во всех без исключения областях. Террор широко применялся для физического уничтожения буржуазии и для подавления недовольства рабочих, крестьян, красноармейцев. Он был главным и зачастую единственным инструментом в организации экономического процесса. Насильственными методами собирались налоги, путем жестокого принуждения работал железнодорожный транспорт, фабрики и заводы, за любую провинность и без нее мог последовать арест, концлагерь или расстрел. Конкретный человек, даже «правильного» происхождения, с его жизнью, желаниями и надеждами нужен был новой власти только как часть огромной рабочей массы, которая была обязана двигаться по партийным призывам.

Трудно согласиться с утверждениями ряда историков, что до объявления «красного террора», следовавшего вслед за покушением на Ленина, террор являлся не государственной политикой, а был лишь инициативой революционных масс. Действия властей задолго до принятия сентябрьского декрета свидетельствовали об обратном. Так, 5-6 января 1918 г. были расстреляны демонстрации в Москве и Петрограде в поддержку Учредительного собрания. Примечательно, что в большевистской листовке, обнародованной 3 января в Петрограде, заранее нагнеталось враждебное отношение к демонстрантам. «Это будет демонстрация врагов народа, демонстрация друзей Каледина и Корнилова»¹, - говорилось в листовке. А в Москве в этот же день руководство профсоюзами, «обсудив вопрос о готовящейся вооруженной демонстрации со стороны контрреволюционных элементов»², сообщило в правления союзов о возможности нападения демонстрантов и организации

вооруженного отпора им. А в действительности получилось все с точностью до наоборот.

15 февраля организованные верующими крестные ходы в Туле и Харькове в знак протеста против декрета СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» также были расстреляны большевиками³. Еще 8 января в «Известиях» появилось объявление СНК, в котором говорилось о формировании из представителей буржуазных классов батальонов для рытья окопов. Всех сопротивляющихся предлагалось расстреливать на месте. За что только не грозили мирному обывателю расстрелом: мешочникам за сопротивление властям, за расклеивание прокламаций, за несоблюдение изданных законов об обмене, продаже и купле. Приказы о расстрелах издавались не только в центре, но и на местах. В Калуге расстрел объявлялся за неуплату контрибуций, в Вятке — за выход из дома после 8 часов вечера, в Брянске — за пьянство, в Рыбинске — за скопление на улицах⁴. Таким образом, расстрелом карались как политические, так и экономические преступления, большинство из которых по своей тяжести и направленности никак нельзя было отнести к контрреволюционным.

О том, что импульсы насилия исходили из центра и зачастую настроения не лучшей части населения искусно подогревались, свидетельствует, в частности, одно из многих подобных писем Ленина. 26 июля он пишет в Петроград, отчитывая Зиновьева: «Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестуя решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда за дело, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но!»⁵

Выстрелы Фанни Каплан и последовавшее за этим законодательное оформление «красного террора» позволили легализовать и мотивировать многочисленные аресты и расстрелы

людей, не имевших ничего общего ни с покушением на Ленина, ни с контрреволюционным движением.

Изучение обстоятельств покушения и следственного дела Ф. Каплан, большой интерес к которому проявился в последнее время, позволили ряду историков прийти к выводу об инспирированности покушения, о возможности оговора Ленина и Свердлова⁶. О неоднозначности этого дела, присутствии в нем политических мотивов свидетельствуют и обстоятельства расстрела Каплан. Она была расстреляна еще до завершения следствия, без приговора суда. По свидетельству П.Д. Малькова, непосредственный приказ о расстреле Каплан он получил от Свердлова и В.А. Аванесова. Пока нет достаточных данных, безусловно подтверждающих или опровергающих версию о заказном характере покушения, но совершенно очевидно, что это событие было выгодно большевикам, оно полностью развязывало руки в кровавом уничтожении любого противостояния.

Сохранился уникальный архивный документ — «протокол междурайонного совещания по вопросу о проведении террора в связи с покушением на тов. Ленина», который представляет собой план оперативных действий ВЧК в Москве и провинции. Для разработки «плана борьбы» и инструктирования районов была избрана комиссия, в которую вошли Пятницкий, Фомин (Спек), Скрыпник, Кингисепп, Фомин (Лефортовского района). Аванесову и Петерсу было поручено составить воззвание к рабочим. На совещании было принято решение о расстреле всех контрреволюционеров, о взятии заложников от буржуазии (крупных фабрикантов) и «союзников», причем оговаривалось, что никакие ходатайства за арестованных приниматься не будут. Районным организациям предоставлялась полная инициатива в проведении расстрелов и определении лиц, которых необходимо взять в заложники. Причем, для их размещения поручалось устроить в районах «маленькие концентрационные лагеря», следовательно, московские тюрьмы уже были переполнены. По отношению к ранее арестованным было принято решение: «Сегодня же ночью Президиуму ВЧК рассмотреть дела контрреволюционеров и

всех явных контрреволюционеров расстрелять. Тоже сделать районным ЧК. Принять меры, чтобы трупы не попадали в нежелательные руки. Ответственным товарищам из ВЧК и районных ЧК присутствовать при крупных расстрелах. Поручить всем районным ЧК к следующему заседанию доставить проект решения вопроса о трупах»⁷. Как видно, расстрелы предполагалось проводить в таких масштабах, что проблема захоронений становилась трудноразрешимой. На этом же совещании было принято решение о проведении арестов левых эсеров. «Что касается пр. эсеров, центровиков, меньшевиков, кадетов и других черносотенцев, то вопрос о них ясен»,⁸ — говорилось в постановлении, т. е. не делалось никакого различия между участью вчерашних соратников и правых партий, объявленных врагами народа еще в ноябре 1917 г.

Один за другим следовали официальные документы, призывавшие к террору. Вслед за резолюцией ВЦИК от 2 сентября 5 сентября было принято постановление СНК, одоббившее линию ВЧК. Одновременно нарком внутренних дел Г.И. Петровский разослал по телеграфу «Приказ о заложниках», в котором говорилось о необходимости немедленного ареста правых эсеров и массовом взятии заложников из среды офицерства и буржуазии. При малейших попытках сопротивления приказ предписывал проводить безоговорочные массовые расстрелы.

Террор и работа госаппарата

Волна насилия, поднятая объявлением «красного террора», напрямую коснулась многих профсоюзных руководителей и рядовых членов, принадлежавших к объявленным вне закона партиям эсеров и меньшевиков. Уже 7 сентября в Петрограде были проведены аресты и обыски в ряде союзов. Исполком Петроградского совета профсоюзов выступил с протестом против подобных действий, санкционированных Петроградским советом депутатов. На Пленуме совета петроградских профсоюзов, на котором присутствовали представители от 24 союзов. 12 сентября прозвучали первые оценки массово-

го террора. Так, Д.Б. Рязанов заявил, что красный террор в Петрограде обрушивается не на классовых врагов рабочего класса, а весьма часто на самих рабочих. Он назвал резолюцию Петроградского совдепа об объявлении целых партий вне закона совершенно недопустимой⁴. Противоположную точку зрения высказал Н.М. Анцелович: «...мы совершили преступление, что не проявили достаточной твердости после октября и не вырезали несколько сотен жандармов. Лес рубят, щепки летят»¹⁰.

Уже на следующий день после заседания Д.Б. Рязанов, занимавший в это время должность заведующего Главным архивным управлением, обратился в этом качестве с письмом в СНК. Он обрисовал невозможные условия, создавшиеся в результате проведения массового террора среди так называемой буржуазной интеллигенции. «Необходимо принять меры, ограничивающие произвол отдельных районных следственных и чрезвычайных комиссий, — говорилось в письме. — ...Состояние на советской службе должно, во всяком случае должно служить презумпцией в пользу данного лица. Следовать практике Комиссариата путей сообщения и выдавать удостоверения, что данное лицо в интересах сохранения транспорта не подлежит аресту без уведомления комиссариата, значило бы компрометировать еще больше Советскую власть».

Критические оценки деятельности ЧК поступали и из местных органов советской власти. Так, 30 сентября 1918 г., оценивая деятельность местной ЧК, Исполком Брянского совета депутатов назвал ее вредной. Такая оценка была вызвана «бесшабашными арестами направо и налево», вопиющим насилием даже над ответственными советскими работниками, игнорированием местных органов советской власти¹².

Уже в октябре 1918 г. ВЧК была вынуждена констатировать, что действия чекистов наносят большой вред деятельности различных государственных органов. Многочисленные аресты коллегий технических и хозяйственных ведомств в полном составе, аресты специалистов не могли не сказаться на их работе. В ответ на поступающие протесты 6 октября 1918 г. Президиум ВЧК обязал свои местные органы производить

аресты только на основе конкретных материалов, а приказом от 24 октября предписывалось, учитывая недостаток землемеров, лесников и агрономов в стране, рассматривать их дела вне очереди, одновременно сообщая о всех случаях арестов в Наркомзем¹³. Декретом СНК от 24 декабря органам ЧК предписывалось сообщать руководству учреждений о намечающихся арестах их сотрудников, чтобы была возможность подыскать им замену.

Приказы из центра, как и декреты советской власти, далеко не всегда служили руководством к действию. На местах было собственное представление о том, как следует бороться с контрреволюцией и врагами рабочего класса. Поэтому ВЧК, следуя партийным директивам, вновь и вновь возвращалась в своих приказах к разъяснению необходимости выполнения советского законодательства и указаний из центра. Так, в приказе от 19 декабря «О методе работ ЧК» Президиум ВЧК разъяснял руководителям губчека, что они не должны вести политику, противоречащую политике центра. Предписывалось не терроризировать мирных обывателей, в том числе рабочих и беднейших крестьян. В приказе также указывалось, что мелкобуржуазные элементы и все специалисты должны получить возможность работать, но под строжайшим негласным наблюдением. Особо осторожно предписывалось относиться к железнодорожникам, давая возможность налаживать работу транспорта¹⁴.

В качестве универсального метода решения самого разного круга проблем, как внутренних, так и внешнеполитических, большевиками широко применялась система заложничества, самый постыдный и циничный метод, взятый на вооружение властью. Вот как объяснял в декабре 1919 г., кто такой заложник, Ф. Дзержинский: «Это пленный член того общества или той организации, которая с нами борется. Причем, такой член, который имеет какую-нибудь ценность, которой этот противник дорожит, который может служить залогом того, что противник ради него не погубит, не расстреляет нашего пленного товарища. Из этого Вы поймете, — объяснял он руководителям ЧК, — что заложниками следует брать только

тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров. За какого-нибудь сельского учителя, лесника, мельника или мелкого лавочника, да еще еврея, противник не заступится и ничего не даст. Они чем дорожат... Высокопоставленными сановными лицами, крупными помещиками, фабрикантами, выдающимися работниками, учеными... Из этой среды следует забирать заложников...»¹⁵. Местным ЧК было предписано взять на учет всех перечисленных представителей буржуазии и руководителей антибольшевистских партий, склонных остаться за линией фронта в случае отступлений. Составленные списки должны были направляться в ВЧК, а аресты производиться только по предписанию из центра. Как видно из этого секретного документа на практике применялся не столько классовый подход, сколько весьма прагматичная оценка обменной ценности. Так например, по данным на 16 августа 1920 г. в московских концлагерях в качестве заложников находились известные представители высших классов царской России: министр внутренних дел С.Д. Горчаков, комендант Таврического дворца В.Ф. Остен-Сакен, депутат Госдумы октябрист КН. Тимирев, князь А.А. Ширинский-Шахматов, князь П.П. Волконский, вице-адмирал А.П. Угрюмов, полковник Т.М. Лорис-Меликов, барон М.Ф. Таубе, 16-летний князь А.М. Куракин и многие другие¹⁶. Большинство из них были приговорены к заключению до конца гражданской войны. Те, кто соглашались сотрудничать с новой властью освобождались досрочно. Так, интендант царской армии Н.С. Верховцев был освобожден из Покровского лагеря и направлен в Орловский военный округ в особую комиссию по снабжению войск продовольствием¹⁷. При поступлении бывших офицеров на службу заложниками автоматически становились члены их семей.

К концу 1920 г. по словам историографа ЧК М.Я. Лациса, были «заарестованы» почти все проживавшие в России бывшие царские министры, жандармы, полицейские, крупные общественные деятели¹⁸. А в докладе Бюро по делам заложников в Президиум ВЧК от 4 июня 1920 г. сообщалось, что заложники от русской буржуазии уже не берутся, а в лагерях

В ряде случаев за их освобождение ходатайствовали ответственные работники партийно-советского аппарата: А.В. Луначарский, В.Д. Бонч-Бруевич и многие другие. Неоднократно обращалась с запросами в ПгЧК и МЧК и секретарь ЦК Е.Д. Стасова. Так, по просьбе своего брата она ходатайствовала за находившегося в Покровском лагере А.Н. Бруницына. Ни преклонный возраст (76 лет), ни недавно перенесенное воспаление легких, не освободили его не только от заключения, но и от выполнения принудительных работ. Не поддается здравому смыслу логика властей, видевших в подобных людях угрозу революции. Как часто бывает, жестокость соседствовала с чуткостью и гуманизмом, приобретающими в подобной обстановке особую циничность. Сохранилась рукописная записка Дзержинского Беленькому: «Необходимо завести в нашей тюрьме швабры. Некоторым (например, Богданову) со слабым сердцем трудно мыть пол руками — надо слишком нагибаться»²⁰.

Еще с детства Е.Д. Стасова хорошо знала семью Арцимовичей. И вот теперь ей пришлось поручиться за бывшего сенатора и Витебского губернатора М.В. Арцимовича. Она ходатайствовала и за бывшего сенатора А.Г. Гасмана (тоже 76 лет), который после октября служил в Архивной комиссии, и неожиданно был арестован, и за бывшего князя А.И. Голицына, работавшего в Наркомпроде, и за многих других²¹. Но даже освобождение не означало, что человек останется на свободе. «Старые дела раскапываются большею частью на основании доносов, из которых некоторые злостные, пересматриваются до бесконечности и вновь и вновь вызывают кары»,²² — писал А.В. Луначарский Н.Н. Крестинскому о посещении Архангельского концлагеря. Не только Луначарский, но и представители экономических наркоматов были вынуждены в интересах дела обращаться в ЦК партии и ВЧК с целыми списками квалифицированных специалистов, прося об их освобождении. Новая волна террора поднялась в связи с убийством К. Либкнехта и Р. Люксембург, а затем следующий прилив насилия последовал за взрывом в Леонтьевском переулке. Почти во всех откликах, поступивших из провинции, звучало тре-

бование объявить ответный террор. А в ряде случаев местные органы действовали самостоятельно, не дожидаясь указаний из центра. Так, Калужский ревком 3 октября принял решение о расстреле в течение 24 часов заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, и об изъятии по всей губернии «контрреволюционного, буржуазного, саботирующего, спекулятивного и прочего паразитирующего элемента». Их жизнь зависела от решения губчека²³. И хотя местная инициатива не встретила поддержки в ЦК партии и официально кампания террора не была объявлена²⁴, уже 29 октября 1919 г. на заседании Оргбюро было заслушано сообщение Дзержинского о появлении в украинской печати заявлений о предполагающихся выступлениях против отдельных коммунистов. В связи с этим он предложил провести аресты заложников. Оргбюро поддержало это предложение и поручило комиссии в составе Л.Б. Каменева, М.Н. Покровского и В.Н. Манцева срочно составить списки предполагаемых заложников²⁵. Таким образом, в реальной жизни насильственные действия не были реакцией на чрезвычайные обстоятельства. Это был постоянный будничные процесс, в ходе которого менялись конкретные задачи и объекты применения террора, но сам метод оставался неизменным.

Надо заметить, что среди местных коммунистов уже появились люди, способные критически оценить практику красного террора. Так, председатель Реввоентрибунала 4-й армии Туркфронта К.Эльтман, выступая на собрании Пугачевской городской парторганизации и комъязычки штаба армии, заявил 2 октября 1919 г.: «Я не против красного террора, только теперь не октябрь, и теперь необходимо разбираться тщательно. Считаю необходимым быть осторожным по отношению к середнякам»²⁶. Он привел вопиющие факты из практики Пугачевской следственной комиссии. В частности, две женщины были посажены в тюрьму как заложницы только за то, что комиссия не обнаружила их мужей по месту жительства. Обвинение против мужей были настолько незначительны, что на первом этапе следствия с них была взята лишь подписка о невыезде и в конечном итоге дело за отсутствием состава преступления было закрыто. Однако, все это выяснилось позже.

Тем временем одна из женщин просидела в тюрьме 24 дня, а другая, арестованная вместе с грудным ребенком, выдержала «весь кошмарный ужас несправедливости» только два дня, а на третий сошла с ума. Причем ни ей, ни ребенку медицинская помощь не оказывалась. К тому же дома оставались без присмотра еще двое детей. Когда наконец-то вернулся ездивший за дровами ее муж, то его тотчас арестовали, а безумную женщину выпустили, оставив на ее попечении детей.²⁷

Жизнь заложников использовалась как разменная карта в разрешении самых разных проблем, возникавших в ходе гражданской войны. Неоднократно их судьба решалась на заседаниях высших партийных органов. Так, Оргбюро ЦК РКП(б) 24 апреля 1919 г. предложил ЦК Компартии Латвии расстрелять часть заложников-баронов в ответ на авиабомбежки Риги²⁸. В мае 1919 г., когда шли бои вокруг Петрозаводска, в качестве превентивной меры были захвачены и отправлены в Москву около 100 заложников из числа финской и русской буржуазии²⁹. По решению Оргбюро 23 июля 1919 г. были освобождены Завриев и Назарян, взятые в заложники для гарантии безопасности семей кавказских коммунистов³⁰. С этих же позиций использовались и иностранные дипломаты, оказавшиеся в водовороте борьбы. Так, 11 марта 1920 г. из Архангельска была направлена секретная телеграмма А. Ломова и А.В. Эйдука: «Передайте срочно Ленину, Чичерину и Дзержинскому следующее: [В] Архангельске остались целый ряд иностранцев, регистрация которых нами предписана. Есть консула Нидерландии и Норвегии, архивы которых остались. Считаю целесообразным всю эту публику направить [в] Москву [в] распоряжение Наркома для товарообмена...»³¹. Приведенные факты нельзя оправдать военными действиями. Это были мирные жители, а не военнопленные, которые также находились в концлагерях.

И все же главным объектом запугивания и расправ являлись не классовые враги, по отношению к которым жестокость была возведена в официальное право, а основная масса крестьян, середняки и бедняки. Семьи дезертиров и даже целые деревни объявлялись взятыми в заложники при борьбе с

дезертирством. Еще одной эффективной мерой, как сообщалось в сводках местных ЧК, являлась конфискация имущества семей заложников, скота, сельхозинвентаря. Взыскание чрезвычайного налога, продразверстки, проведение мобилизаций, натуральных повинностей проводились в подавляющем большинстве случаев путем террора. Вот как описывал методы взимания чрезвычайного налога в Карасунском уезде Симбирской губернии инструктор политотдела НКПС Сулковский: «Специальные карательные отряды, рассыпавшиеся по всему уезду, производили самую невероятную экзекуцию над крестьянским населением. Применялись пытки, истязания с помощью ружейных шомполов и штыков. Обливали раздетых догола людей холодной водой и оставляли мерзнуть в погребках»³². Неудивительно, делает вывод Сулковский, что восстание в соседнем уезде перекинулось и на Карасунский уезд. А в Глазовском уезде Вятской губернии «для кулаков, спекулянтов и неплательщиков чрезвычайного налога» в феврале 1919 г. была организована колония³³. Такими же методами проводилась и продразверстка. Отовсюду поступали многочисленные жалобы на бесчинства продотрядов, многочисленных троек. В ряде случаев сторону крестьян принимали местные советы, тогда и они подвергались оскорблениям и попросту разгонялись.

За невыполнение разверстки крестьян заставляли сдавать семенное зерно, арестовывали по 300 человек в одном селе, сгоняли у крестьян всю птицу и на виду у села забивали. В местностях, не выполнивших поставок, закрывались потребительские общества, и население оставалось без каких-либо товаров. Еще одним «мобилизующим» фактором в сборе хлеба были выездные сессии ревтрибуналов, кочевавшие всю налоговую кампанию из села в село.

Аресты даже 75-летних старух, оскорбления, избивание плетью, реквизиции лошадей — таковы были методы проведения всевозможных повинностей, налагаемых на крестьян.

На крестьянство была возложена очень трудная задача: победить главного врага революции — голод. От того, насколько

ко деревня поможет своими продуктами, зависела работа уга-сающей промышленности, жизнь рабочих и армии.

Выращенный урожай условно делился на четыре части: выполнение заданий по продразверстке, заготовки продотрядов, самоснабжение военных органов и, уже что осталось, — самому производителю. О количестве сборщиков, прошедших через деревню, говорят следующие цифры: помимо аппарата Нарком прода на продовольственную работу через военпродбюро с 1918 г. по конец 1920 г. было отправлено 880 тыс. рабочих и 25 тыс. продотрядников³⁴.

Предполагалось, что сданные государству продукты, выполнение трудовых повинностей будут возмещаться промышленной продукцией и деньгами, но на практике товарообмен происходил далеко не всегда. Причинами были и товарный голод, и злоупотребления многочисленного гражданского и военного заготовительного аппаратов. Свою роль играло и незнание крестьянством существовавшего законодательства К тому же ножицы цен на промышленные и сельхозтовары не могли заинтересовать деревню в сдаче хлеба. Например, в 1920 г. крестьянину Омской губернии, чтобы купить фуражку нужно было отдать 6 пудов хлеба, тогда как в мирное время такая вещь стоила максимум 2 пуда³⁵.

«У крестьян все внимание сосредоточено на разверстке, неумелым проведением которой, они поставлены в такое положение, что если б не успехи красных войск, если б крестьянство при прежних попытках не убедилось в бесполезности восстаний, которые беспощадно подавлялись, то достаточно было бы пробраться в деревню провокаторам и крестьянство все восстало бы против грабителей-коммунистов»,³⁶ — так характеризовались настроения крестьян осенью 1920 г. в одной из информсводок. Опубликованные в последние годы документы, свидетельствуют о том, что в деревне шла настоящая война, в ходе которой власть применяла войска, технику, включая аэропланы, и даже химическое оружие³⁷.

Информация решает все

Выполнение главной, карательной функции требовало от ВЧК и организации широкого сбора информации. Кто владеет информацией, тот хозяин положения — эти слова могли бы стать девизом работы ВЧК. Необходима была не только информация о политических настроениях различных слоев населения, деятельности партий, организаций и деятельности местных органов, но и сведения экономического характера, что вытекало даже из самого названия чрезвычайной комиссии (борьба с саботажем и преступлениями по должности). В послереволюционной действительности зачастую было невозможно разграничить одно от другого, в запутанном клубке событий выявить главное и второстепенное, а в конечном итоге, отразить как можно точнее сложную картину действительности. Первыми информационными документами в системе ВЧК были доклады председателей губчека, они составлялись в произвольной форме и носили нерегулярный характер. С начала 1919 г. секретным отделом ВЧК стали составляться недельные информационные сводки, основывавшиеся на сводках с мест. Имеющиеся статистические данные позволяют воссоздать социальный портрет сотрудников секретного отдела. К середине 1920 г. на советской территории насчитывалось 86 областных и губернских ЧК. В их секретных отделах работали 1805 человек. Из них по национальному составу больше всего было великороссов — 1357 чел. (75,1%), затем шли латыши — 137 чел. (всего лишь 7,59%), затем евреи — 102 чел. (5,65%), поляки — 34 чел. (1,8%), украинцы — 16 чел. (0,9%), на долю литовцев и белорусов приходилось вместе 1,1%. Большинство имело начальное образование (1158 чел. или 64,1%), среднюю школу окончили 13,68%} сотрудников (247 чел.), а высшие учебные заведения лишь 0,8% (15 чел.). Работоспособность лишь 29,69% (536 чел.) оценивалась как хорошая. По профессиональному составу большинство сотрудников секретных отделов имели рабочие специальности (20,05% или 362 чел.); выходцы из деревни составляли 8% (144 чел.), из армии — 14,5% (263 чел.), бывшие канцеляристы составляли 15,1% (274 чел.).

бывшие учащиеся — 10% (180 чел.) и лишь 2 юриста приходилось на сеть секретных отделов³⁸. Вот этими кадровыми силами и производилась обработка поступавшей информации от штатных и внештатных информаторов.

Под пристальным вниманием ВЧК находились фабрики, заводы, стройки, железные дороги, государственные учреждения, хозяйственные органы, как в центре, так и на местах. Поступала информация и с многочисленных конференций, совещаний. Под бдительным оком чекистов находился и ВСНХ, который представлял особый интерес как средоточие большого количества буржуазных специалистов. «Состав сотрудников ВСНХ в большинстве беспартийный. К Советской власти относятся безразлично, а то и отрицательно. В состав сотрудников входит масса бывших офицеров и ничего не делающих барышень. Партийная работа совершенно отсутствует. Хотя Высовнархоз насчитывает до 120 ячеек — работы их не видно... Отношение сотрудников к службе халатное»,³⁹ — говорилось в сводке секретного отдела ВЧК за 1-8 августа 1919 г. Неоднократные конфликты происходили между Президиумом ВСНХ и сотрудниками ЧК из-за Центротекстиля. В марте 1919 г. в состав нового правления Центротекстиля по согласованию с профсоюзом текстильщиков вошли бывшие фабриканты. Они активно использовались и в работе местных правлений. По мнению чекистов, выявивших 29 бывших фабрикантов и директоров, привлеченных текстильщиками к работе, это были именно те фабриканты, которые до революции защищали интересы Союза фабрикантов перед рабочими (Керков, Лебедев, Ломоносов и др.) или те, кто представлял интересы Союза перед казной (Постников, Рогожин, Зотов, Ахумов и др.). Пытаясь принять меры «для ликвидации» «засевших в Центротекстиле фабрикантов», ВЧК постоянно сталкивалась с противодействием Центротекстиля и Президиума ВСНХ. Исполком служащих Центротекстиля принял резолюцию о том, что всякий, дающий сведения ЧК, передается товарищескому суду, вплоть до увольнения со службы. МЧК в ответ на это постановление хотела принять меры, но встретила отпор со стороны руководства Центротекстиля⁴⁰. 8 апреля 1919 г. кон-

фликт по докладу В.П. Ногина обсуждался на заседании Президиума ВСНХ. Было единогласно принято решение обратиться в Президиум ЦИК с предложением отстранить члена коллегии ВЧК Жукова от исполнения обязанностей и назначить расследование его действий. Также было решено поместить в «Экономической жизни», «Известиях» и «Правде» официальное извещение о деятельности Центротекстиля. На заседании 10 апреля к этому решению присоединился и Я.Э. Рудзутак⁴¹. Это был, пожалуй, единственный случай официального протеста хозяйственного ведомства против вмешательства ВЧК в свою деятельность. Но *на этом* борьба не закончилась. Следующий ход был за Ф. Дзержинским. Он сообщил в Оргбюро о решении Исполкома служащих Центротекстиля и на заседании 23 июня было принято постановление: «Довести до сведения Мельничанского и Томского, чтобы призвали к порядку коллектив, о последствиях известили ЦК»⁴². А Жуков позднее в качестве члена Верховного трибунала участвовал в процессе Национального центра и решал судьбу некоторых фабрикантов, работавших в Центротекстиле.

В принципиальных вопросах, имевших важное значение, прежде всего для поддержания большевистского режима, ВЧК всегда находила отклик и поддержку в ЦК партии. Многие инициативы Дзержинского облекались затем в форму партийных указаний. Так, 2 марта 1920 г. в «Известиях ВЦИК» было опубликовано циркулярное письмо ЦК РКП, обязывавшее всех коммунистов, а коммунистов, работающих в армии в особенности, быть постоянными осведомителями особых отделов ВЧК. Поступавшие в центр доклады из армии сообщали, что письмо ЦК, хотя и было опубликовано во всех местных газетах, но отклика среди коммунистов не нашло. Тогда особый отдел ВЧК в июне 1920 г. направил в армейские особые отделы свое циркулярное письмо, в котором разъяснял и конкретизировал предыдущую партийную директиву. Отныне каждый коммунист-военнослужащий был обязан, где бы ни находился, прислушиваться к разговорам и сообщать подозрительное в особый отдел. Он также был обязан постоянно наблюдать за подозрительными личностями, доставлять сведения о настрое-

ниях в части, где он служит. Но это еще не все. «Ни один коммунист не имеет права отказаться дать сведения о том или ином лице», от поручения познакомиться с кем-либо, войти в указанный дом и сообщить о том, что там говорилось, — указывалось в инструкции⁴³. Вот они глаза и уши ВЧК! Причем, если следовать этой инструкции, то и своими прямыми обязанностями заниматься некогда. Вот так формировался новый человек, подслушивающий, подглядывающий, доносящий. Поэтому и неувидителен феномен Павлика Морозова и атмосфера большого террора. Фундамент всем этим безнравственным явлениям закладывался в первые годы после революции.

В начале сентября 1920 г., по просьбе ВЧК, специальным секретным циркуляром ЦК обязанность осведомительства была распространена и на коммунистов, работающих на водном и железнодорожном транспорте. Им предлагалось быть постоянными осведомителями транспортных отделов ВЧК⁴⁴.

Под пристальным вниманием ВЧК находились и внешние контакты советских граждан, как служебные, так и личные. К 1920 г. наметились изменения в изоляционистской внешней политике страны, начали активизироваться внешнеэкономические связи, прежде всего, в связи с переговорами о концессиях, появились контакты с зарубежным профсоюзным движением, международными научными и техническими организациями. Существовала практика обсуждения лиц, выезжающих за рубеж, на заседаниях Оргбюро ЦК. И не смотря на положительные характеристики руководителей ведомств, таких, например, как Л.Б. Красин или А.В. Луначарский, решающее слово принадлежало Ф. Дзержинскому. ВЧК предпринимала меры к установлению жесткого контроля над деятельностью аппарата Наркоминдела. В начале декабря 1920 г. начальником иностранного отдела ВЧК С. Могилевским был направлен Ленину специальный доклад, в котором предлагалось вменить в строгую обязанность коммунистам-дипломатам осведомлять ВЧК о всех фактах, имеющих какое бы то ни было отношение к задачам ВЧК. Предлагалось также паспортный стол НКВД «как совершенно излишний» слить с паспортным отделом особого отдела ВЧК, но под прежней вывес-

кой. Курьерский отдел также подчинить особому отделу ВЧК, «ибо лишь при этом условии можно тщательно проверить всю частную почту, привозимую курьерами, и курьеров можно использовать для целей особого отдела ВЧК за границей»⁴⁵. Многие коммунисты восприняли партийную директиву о содействии ЧК как возможность делать все, что им вздумается, игнорируя существовавшие государственные органы. «Комьячейки производят аресты, обыски и этим навлекают на себя много нареканий со стороны рядового обывателя. Кроме того, бывают случаи, когда комьячейки обвиняются в присвоении отображенных при обысках и арестах вещей, что иногда и на самом деле подтверждается фактами, — сообщалось в секретном циркуляре Томского губкома партии всем комьячейкам губернии. — Кроме того, по поступающим сведениям также видно, что некоторые комьячейки работают таким же образом, как и бывшие колчаковские карательные отряды. Так, например, в ЧК имеются жалобы арестованных о том, что их раздевали догола, ставили под расстрел, даже стреляли, клали в рот револьвер, пороли — словом, производили пытку для того, чтобы заставить сознаться их в контрреволюционных действиях»⁴⁶. Это были далеко не единичные, ограниченные рамками одной губернии факты. Точно такими же методами действовали и многие государственные органы, призванные соблюдать призрачную революционную законность: милиция, военные комиссары, продкомиссары, продотряды, ЧК. Справедливости ради следует заметить, что информационная сеть ЧК выявляла и регулярно сообщала в центр многочисленные факты злоупотреблений должностных лиц, включая и собственных сотрудников. И эта информация постоянно доводилась до сведения первых лиц партии и государства. В ряде случаев принимались весьма суровые методы наказания к виновным, вплоть до расстрелов. Но носили они скорее показательный характер, так как только такими бесчеловечными методами можно было отнять хлеб у крестьян, заставить работать из последних сил рабочих, держать на фронте измученных, раздетых и голодающих солдат. «И что только сдерживает их всех от открытого излияния своей ненависти и отвращения к

Советской власти, это только страх перед ней и могущим быть наказанием»,⁴⁷ — резюмировал свое сообщение один из чекистов.

Беспрецедентное расширение негласной агентурной сети за счет коммунистов и комсомольцев не только служило делу укрепления режима, но и способствовало превращению ВЧК, а затем ОГПУ, в центр координации экономической жизни на всей советской территории. Оперативно получаемая информация о самых разнообразных аспектах повседневной жизни доводилась до сведения партийного руководства, наркомов, позволяла концентрировать внимание на недостатках и устранять их.

Конец «Великого северного пути»

4 февраля 1919 г. Совнарком признал целесообразным предоставление концессии, получившей название «Великий северный железнодорожный путь», и одобрил общий план работ⁴⁸. Принятие декрета было основано на положительной оценке, данной специальной комиссией СНК под председательством А. Ломова и материалах обсуждений в Президиуме ВСНХ и Комгосооре. Заявленные концессионеры, художник А.А. Борисов и норвежский подданный Э. Ганневи́г, получили право на строительство железной дороги на севере России (Обь—Котлас—Сорока и Котлас—Званка) и лесные разработки в полосе строительства сроком на 48 лет. Как видим, внешне все шло хорошо, и вроде бы первая в истории большевистской России концессия, разрекламированная в газетах, могла начать осуществляться. Доверенные лица Ганневи́га в России, В.М. Воблый и Кране, перебрались в роскошный особняк знаменитого мехоторговца П. Сорокоумовского, участвовавшего в Парижской выставке 1900 г., а после Октября лишившегося всего имущества и взятого в заложники. Нанятые ими служащие получали огромные оклады от 3 тысяч до 150 тысяч рублей в месяц. Источником этих денег назывался 25-миллионный фонд Ганневи́га на предварительные изыскания. Для Советской власти концессионеры демонстрировали деловую

сторону: якобы проводили обследования земель, готовили продовольствие для 30-тысячной армии рабочих, посылали специалистов в Америку для изучения постановки медико-санитарного дела на массовых работах в полярных широтах. Но деловая сторона требовала меньше всего средств. Изыскания были излишни, т. к. приняли на веру еще дореволюционные предложения А. Борисова, на поездку в Америку посланному врачу дали только часть денег, посулив отдать остальные позже. Все эти факты обнаружались попутно во время следствия, не связанного с концессией. Но вдруг по Москве поползли слухи об аресте всех сотрудников «Великого северного пути» и о раскрытии там крупных злоупотреблений. Как часто бывает, слухи вскоре подтвердились сообщением об аресте Воблого и Кране и задержании около сотни сотрудников⁴⁹.

Еще в начале 1919 г. главное лицо в будущей операции А.Ф. Филиппов обратил внимание на то, что русские рубли десятками миллионов утекают за границу. Оказалось, что вывоз капиталов осуществлялся двумя путями. Первый: через иностранных курьеров и туристов, которые вывозили сравнительно небольшие суммы денег; другой путь: через посольства, консульства, всевозможные иностранные представительства. Они принимали у обывателей огромные денежные суммы и обеспечивали их выдачу в своих странах в валюте. Но эти условия добросовестно выполнялись только первое недолгое время, пока еще можно было выехать из страны. Затем вместо денег у граждан оставались пустые бумажки с формальным правом требовать от какого-то представителя, например, Норвегии, компенсацию за явно незаконную финансовую операцию, что при невозможности выезда вообще было абсурдом. Чтобы использовать эту ситуацию в пользу государства, Филиппов даже представил заместителю наркома финансов Боголепову проект учреждения расчетных палат по претензиям иностранных подданных к России и, наоборот, советских к зарубежным банкам. Так же выяснилось, что доверенные лица «В.с.п.» совершенно открыто занялись переводом русских денег за границу через ряд агентов. Взамен вносимых сумм (от 100 тысяч до 2 млн) выдавались письма с обещанием выпла-

тить через 4-8 месяцев сумму в валюте в одном из зарубежных банков, но в 5-10 раз дешевле рыночной цены. Видимо, в это время в МЧК и была разработана «валютная операция». По всей видимости, А. Филиппов был представителем дореволюционных финансовых кругов, сотрудничавшим с ВЧК. Через посредника он договорился о переводе 1 млн. 200 тыс.руб. в валюту. «В назначенный день мы должны были около 10-11 быть в особняке Сорокоумовского, но в виду утомленности (накануне до 6 утра подсчитывали и переписывали номера тысячерублевки) и в виду отсутствия извозчиков, все опоздали и явились около 12-ти в особняк Ганневига, где нашли уже большое количество публики — сотрудников Воблого (в том числе оказались быв. продовольственный диктатор Громан, князь Шаховской, директор Торг. Пром. Банка, М.М. Федоров, бывш. министр торговли и др.)»⁵⁰, — так описывал начало операции в докладе Дзержинскому Филиппов. Не успели все участники собраться в кабинете Воблого, как начался переполох, дом был оцеплен матросами для продовольственного обыска, но потом выяснилось, что они перепутали адрес. Эта ситуация никого не удивила, еще накануне один из посредников Воблого предупреждал Филиппова, что в особняке возможен обыск. Так что деньги ВЧК так и остались в портфеле у Филиппова. А сделка состоялась через несколько дней: за 830 тыс. руб. было получено 20 тыс. фунтов стерлингов.

Операция была разработана на самом высоком уровне: Дзержинский, члены коллегии МЧК С.А. Мессинг и Н.А. Рославец. Ее проведение касалось не столько частного уголовно-наказуемого случая, сколько ставило перед государством в лице СНК необходимость создания аппарата для решения валютных вопросов. Анализируя операцию, Филиппов предлагал составить от имени ВЧК записку-отчет, содержащую материал для выводов в государственном масштабе.

В связи с арестом Воблого и Кране возникла необходимость опровержения появившихся слухов о взятках, которые якобы получили некоторые влиятельные советские деятели из ВСНХ, НКФ и Комгосоора в связи с предоставлением концессии. Поэтому МЧК было необходимо провести дополнитель-

ные обследования деятельности этих учреждений и опубликовать его результаты. Еще один важный аспект проведенной операции: по мнению Филиппова, была возможность получить в казну не менее 20 млн. руб. в валюте. Правда, для этого надо было выполнить много условий. Собрать гарантийные письма у российских граждан, гарантировав им безнаказанность за участие в этой сделке, предъявить их Ганневигу. И если это тот самый банкир Эдуард Ганневиг, в чем уже после заключения концессии появились большие сомнения, он обязан был вернуть деньги согласно гарантийным письмам. Маловероятно, что эти валютные мечты были осуществлены, но в результате проведенной операции была пресечена деятельность аферистов, не имевших ни полномочий, ни денежных средств для осуществления первой в истории большевистской России концессии.

Дело Иртура

2 декабря 1918 г. в Самаре произошло неслыханное самоуправство — Самарская ЧК арестовала и посадила в тюрьму весь личный состав Управления ирригационных работ в Туркестане (Иртур), свыше 230 чел., в том числе руководителя управления известного специалиста в области ирригации, Г.К. Ризенкампа. Не помогло и имевшееся открытое предписание за подписями Ленина, Свердлова, Рыкова, Бонч-Бруевича, в котором были и прямые указания председателям всех ЧК оказывать содействие и относиться с полным доверием к управлению и его сотрудникам. Местные чекисты назвали этот документ «пустой бумажкой». Аресты и обыски были произведены с вопиющими нарушениями, казенные деньги (а это была очень значительная сумма, т. к. по декрету об ирригации голодной степи СНК выделял 50 млн. руб. на 1918 г.), финансовые документы, ключи от сейфов отбирались без выдачи расписок или составления актов. Позже, когда дело было завершено и руководство Иртура потребовало от Самарской ЧК вернуть отобранные деньги, им было заявлено, что по регистрационным книгам таковые не значатся.

Обвинения местных чекистов нельзя назвать иначе, как курьезными. Например, то обстоятельство, что Иртур приехал в Самару (а это было сделано по указанию члена ТурЦИКа Кобозева) объявляли стремлением к восставшим чехословакам. Обвиняли и за наличие больших сумм денег. Одним из самых серьезных обвинений служило то, что некоторые служащие изучали английский язык⁵¹.

«Я требовал дать мне конституцию и положение о чрезвычайных комиссиях, но не добился этого в течение пяти дней, и в течение этого же времени мне не было предъявлено никакого обвинения, — говорилось в заявлении Ризенкампфа. — Теперь стараются доказать, что мы не являемся советской организацией, и ЧК решила нас разгромить. И она навела такую чуму, такую болезнь, которую трудно выдержать моей организации. Выходит, что ЧК может разгромить целый комиссариат без всякого предписания из центра вопреки Центральной власти. Я считаю, что это мятеж против власти, против конституции. Это местная инициатива...»⁵².

6 декабря в Самару была направлена телеграмма Ленина, в которой предписывалось немедленно освободить Ризенкампфа, оставить в тюрьме только тех, против кого имеются улики. 10 декабря Ленин вновь отправил телеграмму в Самарскую ЧК о необходимости ведения следствия с соблюдением указанных им условий⁵³.

Из ВЧК для расследования обстоятельств ареста один за другим были направлены два представителя — Шмидт и Пинес. Проведя самостоятельные расследования, они не обнаружили материала для обвинения Иртура в контрреволюционности.

Материалы следственного дела по Иртуру показывают, что подозрения Самарской ЧК были основаны исключительно на классовом составе сотрудников управления. Естественно, что на работу были приняты бывшие офицеры, люди, имевшие титулы (3 бывших барона, одна бывшая баронесса), специалисты. Только это обстоятельство и было основанием для вывода чекистов о контрреволюционности управления. Причем, отправляясь в экспедицию, все участники прошли про-

верку в ВЧК, но и это не имело значения для бдительных самарцев. Биографические данные арестованных не давали никаких поводов для подозрений. Например, бывший барон А.М. Таубе, потомственный дипломат, в 1917 г. был секретарем посольства в Стокгольме, после октябрьского переворота, как сказано в докладе КВ. Пинеса, потерял работу и некоторое время был рабочим, в Иртуре занимал должность помощника секретаря⁵⁴. Еще большей нелепостью было бы в чем-то подозревать бывшую баронессу В.Л. Гревениц. Как явствует из протокола ее допроса, с бароном Гревеницем, Черниговским губернатором, она была много лет в разводе, так что титул ей не принадлежал по рождению. Еще в Петербурге, до поступления на службу в Ирту́р, она была неизвестно за что арестована вместе с дочерью. Просидела без допроса полтора месяца в тюрьме и затем без всяких объяснений была отпущена⁵⁵.

В итоге основная часть сотрудников была отпущена еще в Самаре, а арестованные и весь следственный материал были увезены в ВЧК. 25 февраля 1919 г. Президиум ВЦИК принял постановление о ликвидации дела Ирту́ра «в виду того, что произведенное следствие не установило никаких контрреволюционных действий»⁵⁶. Оправдана была организация в целом, но не злополучные «бароны». Этим же постановлением четверо арестованных были зачислены за ВЧК. По материалам дела трудно установить, сколько все-таки лиц были арестованы на момент рассмотрения дела во ВЦИК. Есть данные, что из Самары было направлено 12 чел. В «списке заключенных «Ирту́ра», направленном в феврале 1919 г. во ВЦИК, значилось 85 фамилий. Вообще, с заключенными происходила полная неразбериха. Так, упоминавшийся уже Таубе с 14 января 1919 г. находился в Бутырской тюрьме. 8 марта 1920 г. с ходатайством об освобождении обратился его двоюродный брат начальник мобилизационно-оперативного отдела Московского окружного комиссариата по военным делам. Тогда то и выяснилось, что несмотря на упоминавшееся постановление ВЦИК приговора по его делу не было⁵⁷.

В мае 1920 г. ВСНХ, в ведении которого находился разгромленный Ирту́р, вновь вернулся к вопросам ирригации

Туркестана. Изыскательская часть Иртура была передана в ведомство Главводхоза, в коллегия которого в апреле был введен Ризенкамф⁵⁸. 12 июля 1920 г. Президиум ВСНХ принял постановление «О мерах по развитию хлопководства в Туркестане». Было признано нежелательным восстановление Иртура, а его аппарат и имущество передавались в социальный орган при Туркестанском совнархозе⁵⁹. Эти меры были подтверждены в декрете СНК от 27 ноября 1920 г. «О мерах по восстановлению хлопководства в Туркестане и Азербайджане»⁶⁰. «Я всегда говорил, что если мы работаем как техники с какой-нибудь властью, то мы работаем честно, не предавая ее. Моя цель — провести в жизнь мой проект, и какая бы власть ни стояла во главе государства, я всегда буду стараться осуществить свой проект»,⁶¹ — заявил Ризенкамф следователю ВЧК в декабре 1918 г. Он предпринимал попытки и при царском правительстве, и при Керенском, и при большевиках. Но никому не было дела ни до этого замечательного человека, ни, в конце концов, до государственной выгоды. Пресловутое классовое чутье полуграмотных чекистов, находившее поддержку в высших органах, перечеркивало грандиозные проекты, мешало экономическому развитию страны.

Примечания:

1. *Яров С.В* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. Спб, 1999. С. 20. Умение Компартии воздействовать на устроения народных масс, агитационное искусство большевиков — самостоятельная тема исследования. Приведем лишь один показательный факт. В мае 1920 г. в связи с польской кампанией в Москве и Петрограде проводились митинги беспартийных рабочих, мелкой буржуазии и интеллигенции. Их организаторам, Л.Б. Каменеву и К. Радеку в Москве, Г.Е. Зиновьеву и М. Горькому в Петрограде, Оргбюро ЦК РКП(б) поручило использовать рекомендации этнологов, которые работали в это время над составлением этнографического меморандума против польских требований (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 22 Л. 2).

2 ГАРФ Ф 5451 Оп. 2 Д 357 Л 11.

3 *Кропачев С.* Хроника коммунистического террора. Ч. 1. Краснодар, 1995 С. 8.

4. Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918-1923. М., 1990. С 34-35.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50 С. 106.
6. Фельштинский Ю. Ленин и Свердлов - кто кого// Наука Казань, 1991. 14 апреля; Васильев О Покушение на Ленина было инсценировкой // Независимая газета 1992. 29 августа; Данилов Е Тайна «выстрелов» Фанни Каплан. //Звезда Востока Ташкент 1991. № I; Литвин А.Л. В Ленина «стрелял» Дзержинский?// Родина 1995 № 7, Фельштинский Ю.Г. Тайна Смерти Ленина // Вопросы истории. 1999 № 1.
7. ЦА ФСБ РФ. Ф. (8)1. оп. 2. Д. 57. Л. 3.
8. Там же.
- 9 ГАРФ. Ф 5451 Оп. 2. Д. 31 Л. 69
10. Там же. Л. 70.
11. ЦА ФСБ РФ. Ф. (8)1. Оп. 2. Д. 59. Л. 40. Из СНК жалоба была направлена в ВЧК, т. е. тому, на кого жаловались.
12. Там же. Л. 38.
- 13 Сборник важнейших приказов и распоряжений ВЧК. М., 1918. С. 43.
14. Там же. С. 22.
15. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д . 154
16. Там же Д. 422. Л. 16.
17. Там же. Л. 19.
18. Лацис М.Я. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 17.
19. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 93. Л. 1
20. Там же. Л 6.
21. РГАСПИ. ф. 17 Оп.66. Д. 105. Л.92, 99, 125
22. Там же. Оп. 112. Д. 75. Л. 53 об.
23. Там же. Д.9 Л.66.
24. Там же. Д. 1. Л. 23; Д. 8. Л. 131, Д. 9 Л. 48.
25. Там же. Оп. 112. Д. 9. Л. 108
26. Там же. Оп 66. Д. 33. Л. 259.
27. Там же
28. Там же. Оп. 112 Д. 3. Л. 44.
29. Там же Оп. 66. Д. 65 Л. 35-37.
30. Там же Оп. 112. Д. 6. Л. 146.
31. Там же. Ф.5. Оп. 1. Д 2559. Л. 14
32. Там же. Ф. 17. Оп. 65. Д. 266. Л. 181.
33. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 205. Л. 14
34. РГАСПИ Ф. 94 Оп. 2 Д. 16 Л. 125.
35. ЦА ФСБ РФ Ф. 1 Оп. 4. Д. 214 Л. 20
36. Там же. Д. 210. Л. 17
- 37 См. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг «Антоновщина» Тамбов. 1994

38. РГАСПИ Ф. 5. Оп. 1. Д. 2503. Л. 3.
39. Там же. Д. 2615. Л. 5.
40. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 662. Л. 10, 11.
41. Протоколы Президиума ВСНХ 1919 год. М., 1989. С. 104, 109
Экономическая жизнь. 1919. 13 апреля.
42. РГАСПИ Ф. 17. Оп. 112 Д 5. Л. 100
43. Там же. Оп. 84. Д. 114. Л. 8 об
44. Там же. Оп. 65. Д. 8. Л. 42.
45. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2559. Л. 28.
46. ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 233. Л. 10.
47. Там же. Л. 1 об
48. Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 618.
49. Известия ВЦИК. 1919. 19 апреля; Экономическая жизнь. 1919. 10
апреля
50. ЦА ФСБ РФ Ф. I Оп. 3 Д. 121 Л. 8 об-9
51. Там же Д. 152 Л. 5
52. Там же. Д. 144. Л. 45.
53. *Ленин В И.* Полн. собр соч. Т. 50. С. 215-216. Ленинский сборник
XXI. С. 235.
54. ЦА ФСБ РФ. Д. 140а. Л. 2.
55. Там же. Д. 141. Л. 5.
56. Там же. Д. 152. Л. 78.
57. Там же. Д. 153. Л. 35.
58. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 1332. Л. 2; Д. 1336. Л. 50-51.
59. Там же Д. 1354 Л. 1-16.
60. СУ. 1920. № 100. Ст. 535.
61. ЦА ФСБ РФ Ф. 1 Оп. 3. Д. 144. Л. 43.